

ПЕРЕСТРОЙКА, КАК ОНА ВИДЕЛАСЬ ИЗ ВАШИНГТОНА (1985-1991 гг.)

Джек Ф. Мэтлок

Несмотря на то, что некоторые аналитики из разведки предсказывали, что преемником Константина Черненко на посту Генерального секретаря ЦК КПСС станет Виктор Гришин, большинство американских официальных лиц не удивились, что после смерти Черненко в марте 1985 года Центральный Комитет избрал на этот пост Михаила Горбачева. Было ясно, что руководители брежневского поколения уже не способны решать проблемы страны. А проблем становилось все больше. Казалось очевидным, что избрание лидера, представлявшего более молодое поколение, отвечало интересам страны, что без этого невозможно вернуть Советскому Союзу ту динамику, которая была ему присуща в предыдущие периоды его истории. Складывалось впечатление, что Михаил Горбачев — наиболее естественная кандидатура на пост руководителя страны. Он был почти на тридцать лет моложе большинства членов Политбюро и удовлетворял минимальным, как у нас считалось, требованиям, чтобы стать Генеральным секретарем ЦК КПСС, будучи членом, как Политбюро, так и Секретариата ЦК. Более того, он, по-видимому, неофициально выполнял функции «второго секретаря», поскольку говорили, что в отсутствие Черненко он председательствовал на заседаниях Политбюро.

Джек Ф. Мэтлок — видный американский дипломат, в 1983-1987 гг. главный советник президента Рейгана по вопросам отношений с Советским Союзом, в 1987-1991 гг. посол США в Советском Союзе.

Но не все аналитики были уверены, что именно Горбачев станет преемником Черненко. Избрание Черненко после смерти Андропова, казалось, свидетельствовало о том, что представители брежневской генерации будут до самой смерти цепляться за власть, игнорируя реальные интересы страны. Однако визит Горбачева в Лондон в декабре 1984 года наводил на мысль, что советское руководство, возможно, готовилось сделать Горбачева следующим генеральным секретарем.

Президент Рональд Рейган был рад тому, что руководителем Советского Союза стал Горбачев. Начиная по крайней мере с 1983 года он надеялся встретиться с действующим советским лидером и начать процесс преодоления разногласий и прекращения гонки вооружений. Однако из-за слабого здоровья предшественников Горбачева, а также из-за отсутствия гибкости во внешней политике, которую они проводили, такая встреча была невозможной. Но поскольку было известно, что Горбачев моложе, чем его предшественники, что он здоров и полон энергии, у Рейгана появилась надежда, что они скоро встретятся. Он направил в Москву на похороны Черненко вице-президента Джорджа Буша и государственного секретаря Джорджа Шульца. Во время встречи с Горбачевым они передали ему приглашение Рейгана посетить Вашингтон.

По возвращении в Вашингтон вице-президент Буш и государственный секретарь Шульц доложили, что Горбачев оставил у них впечатление внятного и хорошо информированного человека. Понятно, что Горбачев ни словом не обмолвился о том, что готов как-то изменить советскую внешнюю политику, но казалось, что в отличие от своих непосредственных предшественников этот человек умеет думать сам, а не просто зачитывать по бумажке подготовленные для него заявления. Буш и Шульц согласились с оценкой, которую дала Горбачеву премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер после его визита в Лондон: с этим человеком Запад может иметь дело.

Никто не строил иллюзий, что с Горбачевым будет просто. Напротив, некоторые полагали, что он будет жестче, чем его предшественники. Когда в апреле 1985 года посол США в Москве Артур Хартман информировал президента Рейгана, он доложил ему, что Горбачев «человек узкий, с закостенелыми взглядами», и вообще в течение какого-то времени он будет заниматься укреплением своей власти. Шульц заметил, что Горбачев может оказаться «опаснее» своих предшественников, поскольку у него нет некоторых недостатков, которые были им присущи. После этой встречи Рейган записал в своем дневнике, что «с Горбачевым будет не легче, а то и труднее, чем с другими их лидерами».

Несмотря на это, Рейган очень хотел встретиться с Горбачевым и начать диалог, поскольку был убежден, что интересам Советского Союза

отвечало бы прекращение гонки вооружений, открытие страны внешнему влиянию и реформы, которые делали бы ее более демократичной и менее опасной для соседей. Он надеялся, что сможет встретиться с Горбачевым в Вашингтоне и кое-что показать ему Соединенные Штаты, но когда Горбачев вместо этого предложил встретиться в другом месте, Рейган согласился встретиться в ноябре 1985 года в Женеве.

И хотя состоявшаяся в Женеве встреча на высшем уровне не решила ни одной из «больших» проблем отношений между Соединенными Штатами и Советским Союзом, Рейган считал, что встреча прошла успешно. Горбачев понравился Рейгану, несмотря на различия между ними, и у него появилась надежда, что в конечном счете они сумеют найти общий язык. Он также считал важным, что Горбачев готов пойти на более широкие и интенсивные контакты между американскими и советскими гражданами, чего не допускали его предшественники. Соглашение о расширении обменов, подписанное в Женеве, со временем очень способствовало тому, чтобы уменьшить непонимание и недоверие в отношениях между простыми гражданами США и СССР.

В 1985 году о перестройке еще прямо не говорили; американцы следили за антиалкогольной кампанией и «ускорением». И хотя цель первой была похвальной — здоровье людей в СССР улучшилось бы, если бы меньше пили, — эту кампанию осуществляли неэффективными методами. Складывалось впечатление, что советские чиновники ничему не научились на примере провала «сухого закона» в США в 20-е годы. Что касается ускорения, то в отсутствие должных материальных стимулов советские граждане сопротивлялись попыткам заставить их интенсивнее работать. Американские аналитики отмечали, что решения советского руководства не дали желаемого результата, но что в течение 1985 года Горбачев укрепил свою власть достаточно для того, чтобы при желании впоследствии пойти на более серьезные реформы.

Проанализировав новую Программу КПСС, принятую XXVII Съездом партии в марте 1986 года, ЦРУ отметило, что эта программа «открывает для Горбачева новые возможности» и «ясно говорит о необходимости новой политики по выводу страны из застоя, но не дает конкретного плана действий». В докладе ЦРУ также отмечалось, что «судя по программе, партийное руководство считает укрепление экономической базы страны важным фактором улучшения перспектив во внешней политике». Одной из характерных черт Программы 1986 года, наводивших на мысль о приоритете экономических проблем, было то, что там раздел, посвященный внутренней политике, шел перед разделом о внешней политике, тогда как в Программе 1961 года на первом месте была внешняя политика¹.

В течение 1986 года политика гласности привлекала к себе больше внимания, нежели перестройка, да и само это слово использовалось лишь изредка. В августе ЦРУ подготовило доклад, в котором содержался следующий вывод:

Горбачев явно полагает, что более откровенный разговор в СМИ о внутренних проблемах страны поможет мобилизовать общественность на поддержку таких его политических инициатив, как борьба с пьянством, коррупцией и преступностью, и придаст легитимность обсуждению экономической реформы.

Горбачев также использует гласное обсуждение недостатков, присущих элите, чтобы заставить чиновников вести себя в соответствии с новыми стандартами, которые он задает.²

При этом в докладе отмечалось, что «существуют четкие границы, в пределах которых Горбачев стремится к гласности. Как и следовало ожидать, в советских средствах массовой информации отсутствует критика его руководства». В докладе также указывалось на то, что гласность «таит в себе серьезную опасность для режима и лично для Горбачева. Вынесение социальных проблем на обозрение общественности может стимулировать процесс социального брожения в среде интеллигенции и критику снизу, которые могут выйти из-под контроля».

В сентябре 1986 американское разведывательное сообщество выпустило документ «Согласованная разведывательная оценка», в котором прогнозировалось, какую политику будет проводить Горбачев в отношении США в ближайшие два года (1986–88). Был сделан вывод, что «режим Горбачева ставит цель воссоздать отношения с США по типу разрядки, чтобы уменьшить бремя соперничества в вооружениях и, соответственно, облегчить выполнение задачи экономического возрождения страны». Признавалось, что этот путь будет нелегким и вызовет споры в Москве, но, как предсказывалось в документе, «у Горбачева достаточно сильные политические позиции, чтобы сформировать в Политбюро консенсус в поддержку инициатив и решений, к которым он склоняется в отношениях с Соединенными Штатами»³.

Месяцем позже состоялась двухдневная встреча Рейгана с Горбачевым в Рейкьявике, в Исландии. На этих переговорах речь в основном шла о ядерном оружии и противоракетной обороне. Они почти пришли к согласию об уничтожении ядерного оружия в течение ближайших десяти лет. Однако оба руководителя отказались принять ключевые элементы в позициях друг друга и, по первому впечатлению, встреча закончилась неудачей.

Однако, оглядываясь назад, можно сказать, что на этой встрече произошел поворот в личных отношениях между Рейганом и Горбачевым, поскольку каждый из них пришел к пониманию, что партнер по-настоящему заинтересован в прекращении гонки вооружений, особенно ядерных.⁴

Пленум Центрального Комитета, который много раз откладывали, был, наконец, созван в январе 1987 года, и он убедил аналитиков из американской разведки в том, что Горбачев действительно имеет в виду «системные преобразования» в Советском Союзе. (Прежде аналитики считали, что его намерения ограничиваются изменениями, которые не затрагивают советскую систему власти). В докладе, представленном 11 марта 1987 года, то есть почти через полтора месяца после Пленума ЦК (а это наводит на мысль, что выводы доклада были сделаны в результате острой дискуссии), ЦРУ пришло к следующим выводам:

Горбачев пытается вдохнуть новую жизнь в институциональную структуру страны, чтобы устранить препятствия на пути успешного осуществления экономических реформ. Он ясно дал понять, что не имеет намерения ограничивать монополию партии на политическую власть или полномочия высшего руководства внутри партии. Его предложения были скорее направлены на придание системе большей энергии путем организации народного давления на консервативных чиновников на низовом уровне и создания у населения ощущения участия в политическом процессе ...

Пленум четко показал, что теперь инициатива находится в руках у Горбачева и что в политическом отношении он достаточно силен, чтобы открыто крупных изменений политического курса и системных преобразований. Однако, перейдя в наступление, он повышает риск прямого столкновения с более консервативными элементами. ... Его программа и его собственное политическое будущее переплелись как никогда тесно.⁵

Следующий Пленум Центрального Комитета, состоявшийся в июне 1987 года, стал еще одним шагом в принятии программы Горбачева. ЦРУ сообщало, что «в июне на Пленуме Центрального Комитета и на сессии Верховного Совета Генеральный секретарь Горбачев одержал крупную политическую победу, добившись одобрения рубежной программы комплексной экономической реформы, а также изменений в руководстве, что даст ему возможность лучше контролировать политическую повестку дня». ЦРУ отметило, что решение о проведении партийной конференции в 1988 году «вероятно, позволит ему еще более упрочить свои позиции в Центральном Комитете, где его сторонники ведут борьбу с консерваторами брежневской поры, которые хотят ограничить масштабы реформ и замедлить их ход». Далее в докладе ЦРУ говорилось:

Одобрение Пленумом директив в отношении комплексного пакета мероприятий по экономической реформе вместе с ратификацией Верховным Советом нового Закона о государственном предприятии знаменуют водораздел в горбачевских поисках «нового экономического механизма». Прежде он вводил ограниченные и некомплексные экономические реформы, и критики в СССР и за его пределами настаивали на необходимости всеобъемлющего подхода. Новая программа ... направлена на то, чтобы резко уменьшить жесткий контроль Центра над экономической деятельностью ...»

Приветствуя июньские решения 1987 года как «водораздел», ЦРУ предостерегало, что «при всей своей внушительности, они [достижения Горбачева] не гарантируют, что он долго пробудет на своем посту, равно как и не гарантируют успех экономической реформы. ... В Политбюро и в Центральном Комитете все еще сохраняются консервативные силы, и некоторые руководители, которые раньше были союзниками Горбачева, считают, что он слишком торопится в своих действиях. В первую очередь не хочет изменений огромная государственная бюрократия».⁶

В декабре 1987 года, за несколько недель до приезда Горбачева в Вашингтон, разведывательное сообщество выпустило документ «Согласованная разведывательная оценка». В нем содержалась всесторонняя оценка советской политики и прогноз политической жизни на предстоящие годы. Документ начинался с привлекавшего внимание заявления о том, что «Михаил Горбачев поставил на карту собственное будущее, предприняв смелую попытку вдохнуть новую жизнь в советское общество, усилить позиции Москвы в конкуренции с Западом и более активно продвигать советское влияние на глобальной арене. Реформы, за которые он выступает, ... потенциально способны привести к самым крупным изменениям в советской политике и в советских институтах за весь период после мобилизационных мер, введенных Сталиным в конце 20-х годов». Далее в докладе следующим образом описано «видение Горбачева»:

Мы полагаем, что Горбачев убежден в том, что сумеет осуществить значительные изменения в системе, а не просто слегка подправить ее, поскольку он ставит перед собой далеко идущие внутривнутриполитические и внешнеполитические задачи. Для того, чтобы активизировать общество и оживить экономику, он:

— Провел серьезную ротацию в партийном и государственном аппарате, чтобы укрепить свою власть и подготовить почву для осуществления своей далеко идущей политики.

— Намеревается перестроить основные институты сталинской системы. Он хочет создать «промежуточную систему», которая сохранит существенные черты ленинской системы (верховенство коммунистической

партии и стратегический контроль над основными направлениями экономики), одновременно встраивая в нее подходы, не виданные в СССР с 20-х годов, в частности политическую атмосферу большей терпимости к разнообразию мнений и их обсуждению, менее репрессивную среду существования для советских граждан, больший простор для рыночных сил в экономике и в определенной степени — экономическую конкуренцию.

Но хотя в документе содержался вывод, что Горбачев ставит перед собой цель радикального преобразования советского общества, одновременно в нем была высказана мысль о том, что во внешней политике Горбачев оставил традиционно советские задачи: «прежде всего повышение безопасности советской территории, расширение советского влияния в мировом масштабе, а также продвижение коммунизма и оттеснение капитализма по всему земному шару». При этом в докладе выражалось мнение, что Горбачев хочет изменить стратегию и тактику Советского Союза, чтобы обеспечить выполнение этих задач: «Он считает, что более прагматический подход к идеологии, более гибкая и готовая к компромиссам дипломатия в отношениях с Западом, коммунистическим блоком, Китаем и третьим миром при соответствующем уменьшении фактора военного устрашения как инструмента внешней политики будут содействовать достижению поставленных им задач»⁷

Дав такое определение целей Горбачева, авторы доклада оценивают, насколько вероятно, что Горбачев выполнит задуманное. По их мнению, наиболее вероятным результатом могло стать обновление существующей системы. Далее в докладе говорилось, что, учитывая препятствия на пути перемен, «маловероятно, что Горбачеву удастся пойти дальше оздоровления и провести так называемую системную реформу». Однако примечательно, что вероятность системной реформы полностью не исключалась: шансы на ее осуществление оценивались как один к трем. Что касается других возможностей, то в докладе содержался вывод, что возврат к более авторитарному неосталинистскому режиму менее вероятен, нежели проведение системной реформы, и затем указывалась: «Мы считаем, что на противоположном краю спектра шансы осуществить поворот к демократическому социализму, подразумевающему более радикальное, чем при системной реформе, движение к рыночной экономике и плюралистическому обществу, при всех обстоятельствах будут фактически равны нулю».

Доклады разведки, естественно, принимались во внимание при формировании позиции официальных лиц, отвечавших за разработку политики, но безусловными и окончательными они не считались. И президент Рейган, и государственный секретарь Шульц в своих суждениях все больше исходили из опыта личных контактов с советскими руководителями, в час-

тности, разумеется, с Генеральным секретарем Горбачевым и с министром иностранных дел Эдуардом Шеварднадзе. По мере того, как эти контакты становились более частыми и активными, крепла уверенность в том, что Михаил Горбачев действительно принадлежит к совершенно иному типу советского руководителя и действительно нацелен на фундаментальную реформу, а может быть и на движение к «демократическому социализму», хотя, по мнению американского разведывательного сообщества, это было практически невозможно.

На Рейгана произвело впечатление то, что Горбачев пошел на соглашение об уничтожении ядерных ракет средней дальности и на шаги, позволившие открыть советские средства массовой информации для серьезных дискуссий, а общество — для более близких контактов советских граждан с людьми на Западе. И хотя некоторые советники говорили Рейгану, что Горбачев хочет реформировать Советский Союз только для того, чтобы сделать его сильнее и эффективнее в проведении своей традиционной внешней политики, Рейган понимал, что новый Советский Союз, пусть даже более сильный, не будет представлять угрозы для США или для своих соседей, а скорее станет партнером в деле экономического развития и сохранения мира. Поэтому он рассчитывал увидеть признаки того, что Горбачев намеревается использовать перестройку для демократизации Советского Союза.

Самые убедительные признаки этого появились в мае 1988 года, когда Центральный Комитет КПСС выступил с «Тезисами» к XIX Партийной Конференции. В то время я уже год проработал послом США в Москве. В день, когда были опубликованы «Тезисы», я был в Финляндии, в Хельсинки, где помогал президенту Рейгану готовиться к визиту в Москву. Прочитав «Тезисы», я понял, что теперь уже не может быть никаких сомнений в решимости Горбачева осуществить фундаментальную реформу советской системы. Я охарактеризовал «Тезисы» президенту Рейгану и заметил, что если Горбачев сможет провести в жизнь содержащиеся в них идеи, «Советский Союз уже никогда не вернется к прошлому». Рейган согласился с этим, и через несколько дней, когда в Москве его спросили, продолжает ли он считать Советский Союз «империей зла», он ответил: «Нет. Теперь не то время. Та эпоха ушла». А когда его спросили, кто изменил ситуацию, он без колебания ответил, что заслуга в этом принадлежит Горбачеву как руководителю страны.

Аналитики из американской разведки уделяли главное внимание ходу политической борьбы, вопросам экономической эффективности, военной доктрины и размещению ракет. При этом они мало интересовались идеологией. Зато президент Рейган живо интересовался идеологией, ибо он был убежден, что именно идеология была первопричиной напряженности

периода «холодной войны». Конечно, гонка вооружений и геополитическое соперничество были серьезными проблемами, и их необходимо было решить, но без изменений в идеологии было бы трудно навсегда покончить с «холодной войной». Рейган часто говорил: «Государства не боятся друг друга, потому что они вооружены. Они вооружаются, потому что боятся друг друга». Прежде всего он хотел уменьшить то колоссальное недоверие, которое породила «холодная война».

Будучи послом в Советском Союзе, я понимал, что идеология важна, пусть даже она перестала быть той мощной движущей силой, какой была в годы большевистской революции и при Сталине во время коллективизации. Не случайно брежневское руководство в 70-е годы, в период разрядки, заявило, что разрядка относится к отношениям между государствами с различными общественными системами, но не к идеологии. В частности, внешняя политика Советского Союза продолжала исходить из принципов «классовой борьбы на международной арене», что подразумевало недопустимость компромисса с «буржуазными» или «империалистическими» государствами — речь могла идти лишь о временном перемирии до тех пор, пока у Советского Союза не будет достаточно сил для выполнения своего интернационального долга в деле распространения «социализма» в его советском понимании.

По этой причине внимание американского посольства привлекли споры по поводу «общечеловеческих интересов», которые развернулись в советском руководстве в 1988 году. По большей части такие споры велись за закрытыми дверями, но иногда они становились достоянием гласности. Так было, когда газета «Советская Россия» опубликовала статью Нины Андреевой в защиту сталинизма, а Александр Яковлев и Егор Лигачев выступили с противоречащими друг другу заявлениями по этому вопросу. В беседе с министром иностранных дел Эдуардом Шеварднадзе, которая была посвящена другим вопросам, я упомянул об этой полемике. Он заверил меня, что Советский Союз больше не считает классовую борьбу на международной арене основой своей внешней политики. По сути дела, выступая в ООН 7 декабря 1988 года, Горбачев дал такие же заверения, сказав, что свободу выбора народов нельзя ограничивать.

После выступления в ООН Горбачев встретился с Рейганом и только что избранным президентом Джорджем Бушем на Губернаторском острове в Нью-Йоркской гавани. У меня было впечатление, что в идеологическом отношении эта встреча положила конец «холодной войне». Рейган сказал Горбачеву, что будет молиться за то, чтобы его преемник продолжил начатую им политику поиска договоренностей с Советским Союзом, и сделал запись в дневнике: «Встреча прошла с огромным успехом ... Из сказанного

Горбачевым можно сделать вывод, что он рассматривает нас как партнеров в деле строительства более совершенного мира».

Но хотя дух взаимоотношений между США и Советским Союзом изменился, оставалось еще много проблем, разделявших сверхдержавы. Европа по-прежнему была разделена на противостоящие военные блоки. Была разделена и Германия, в западной части которой были размещены американские войска, входящие в НАТО, а в восточной — советские войска, входящие в Варшавский Договор. Продолжались переговоры по соглашениям о сокращении стратегических ядерных вооружений и обычных сил в Европе, но перспективы их завершения были неясными. И хотя советские войска уходили из Афганистана, продолжались «непрямые конфликты» в Африке и Центральной Америке. Тем не менее заявление Горбачева в ООН о том, что СССР намерен сократить численность своих вооруженных сил на полмиллиона человек, произвело сильное впечатление на западные правительства и на общественность в Европе и в США.

В январе 1989 года, когда президент Буш вступил на свой пост, он объявил о том, что сформулирует свою политику в отношении Советского Союза после того, как проведет анализ прежней политики. Он намеревался и дальше в основном продолжать политику Рейгана (которую он поддерживал, будучи вице-президентом), но в то же время считал нужным убедить деятелей правого крыла республиканской партии в том, что он не проявляет «мягкотелости» и проводит собственную политику, а не просто продолжает то, что выработал его предшественник. Его главные советники находились под меньшим впечатлением от реформ Горбачева, чем в свое время президент Рейган и государственный секретарь Шульц. Это были «реалисты», которые обращали больше внимания на нерешенные вопросы «холодной войны», чем на сдвиги в установках, произошедшие в 1987 и 1988 годах.

Незадолго до того, как Джордж Буш вступил на пост президента, американское разведывательное сообщество представило оценку перспектив экономической реформы в Советском Союзе. В докладе, озаглавленном «Экономическая программа Горбачева: предстоящие трудности», говорилось, что экономические результаты перестройки в лучшем случае можно охарактеризовать как скромные. Авторы предсказывали, что предстоит трудный путь. Хотя сама политика, возможно, была перспективной, в условиях «раздраженного общества и скептически настроенной бюрократии» будет очень трудно добиться «увеличения производства потребительских товаров и услуг». Несмотря на такую пессимистическую картину, авторы признавали, что «Горбачев часто справлялся с неудачами, идя на радикальные шаги, и мы не можем исключить попытки быстрого перехода к рыночной экономике в государственном секторе»⁸.

Когда президент Буш объявил о том, что будет проведен анализ политики США в отношении Советского Союза, я послал ему из американского посольства в Москве три длинные телеграммы, в которых последовательно рассматривались внутренние события в Советском Союзе, советская внешняя политика и предложения, касающиеся политики США⁹. Некоторые чиновники из новой американской Администрации внушали президенту Бушу, что Горбачев рассчитывает наладить советскую экономику только затем, чтобы более эффективно бороться с США, и что самого Горбачева могут скоро отстранить от власти, если он не сменит курс, то есть произойдет то же самое, что было с Никитой Хрущевым, которого свергли в 1964 году. Цель моих телеграмм состояла в том, чтобы опровергнуть оба эти утверждения. Я предсказывал, что Горбачев вероятнее всего останется на своем посту в течение всего срока работы администрации Буша и даже дольше и что реформы, которые он проводит, приведут к глубоким изменениям в Советском Союзе. Однако у меня не было большой веры в то, что реформы существенно улучшат советскую экономику. Я также предсказывал проблемы в связи с появлением в Советском Союзе нарастающих признаков национальных конфликтов. Что касается политики США, то я рекомендовал следующее: «Перед нами открылась историческая возможность проверить, насколько Советский Союз стремится перейти к новым взаимоотношениям с остальным миром, и укрепить те тенденции в Советском Союзе, которые ведут к «более гражданской» экономике и более плюралистическому обществу». Политика США, писал я, должна быть направлена на поддержку перестройки, потому что демократизация советской политической системы и общества отвечает интересам США.

Не все американские официальные лица разделяли позицию посольства в Москве. Вот что сказано в документе «Согласованная разведывательная оценка», выпущенном в апреле 1989 года, о разногласиях между аналитиками в Вашингтоне:

- Некоторые аналитики рассматривают нынешние изменения в [советской] политике, как тактические, продиктованные необходимостью сделать передышку в соперничестве. Они считают, что идеологические императивы марксизма-ленинизма и его враждебность к капиталистическим странам живучи. Они указывают на провал предыдущих попыток осуществить реформу и отмечают преходящий характер прежних «периодов разрядки». Они считают, что есть серьезный риск того, что Москва вернется к традиционно воинственной линии поведения, когда будут осуществлены задуманные положительные сдвиги в экономике.
- Другие аналитики полагают, что политика Горбачева отражает

фундаментальное переосмысление национальных интересов и идеологии, а не только тактические соображения. Они утверждают, что пересматриваются такие идеологические положения марксизма-ленинизма, как классовая борьба и враждебность между капитализмом и социализмом. Они считают, что вывод войск из Афганистана и сдвиг в сторону терпимого отношения к разделению власти в Восточной Европе являются историческими сдвигами в представлениях Советского Союза о его национальных интересах. Они полагают, что преобразования, проводимые Горбачевым способны дать достаточный импульс, чтобы сдвиги в поведении Советского Союза приобрели долгосрочный характер.¹⁰

Анализ политики, предпринятый президентом Бушем, длился несколько месяцев, но его встреча с Горбачевым на Мальте в декабре 1989 года дала новый импульс отношениям. Оба руководителя согласились с тем, что их страны перестали быть врагами, и Горбачев заверил Буша, что не станет вмешиваться в дела Восточной Европы, чтобы сохранить тамшние непопулярные режимы. Тем временем политические реформы в Советском Союзе разворачивались полным ходом, прошли выборы на альтернативной основе, был создан парламент, наделенный реальной властью (Съезд Народных Депутатов и его Верховный Совет), все больше ограничивалось право партийных чиновников на местах вмешиваться в решение хозяйственных вопросов. В отдельных республиках, в особенности в трех республиках Прибалтики, появились силы, требовавшие экономической самостоятельности, а когда им в этом было отказано, усилились настроения в пользу полной независимости.

Соединенные Штаты, как и большинство стран Запада, никогда не признавали законность включения Эстонии, Латвии и Литвы в состав Советского Союза. Поэтому лидеры США пытались убедить Горбачева найти путь восстановления независимости прибалтийских государств. Однако руководство США не стремилось к тому, чтобы из состава Советского Союза вышли остальные двенадцать республик. Оно поддерживало усилия Горбачева по выработке Союзного договора, который стал бы демократической основой федеративного государства.

К концу ноября 1989 года американское разведывательное сообщество выпустило документ «Согласованная разведывательная оценка», озаглавленный: «Советская система в состоянии кризиса: перспектива на ближайшие два года»¹¹ Доклад содержал следующий суммарный прогноз:

- Независимо от проводимой режимом политики, внутренний кризис в Советском Союзе будет длиться дольше двух лет, охватывае-

мых настоящей «Оценкой». Режим еще многие годы будет сосредоточен на внутренних проблемах, он будет стремиться максимально снизить напряженность в отношениях с Соединенными Штатами и, вероятно, будет стремиться к договоренностям, которые позволили бы уменьшить соперничество в военной области и облегчить переключение ресурсов на гражданские цели.

- Несмотря на стоящие перед ним огромные проблемы, положение Горбачева в руководстве представляется относительно прочным, у него теперь больше власти и политических возможностей, чтобы справиться с кризисом.
- Будут прилагаться более активные усилия по определению пределов политических изменений, проявится более жесткий подход к национальным проблемам и к средствам массовой информации, но процесс политической либерализации будет расширяться, будут увеличиваться права и возможности законодательных органов и независимых политических организаций за счет прав и возможностей партии.
- Режим сосредоточит свои усилия на стабилизации экономики и, притормозив одни реформы, даст ход другим, направленным на повышение роли рынка и частного предпринимательства.
- Несмотря на эти усилия, мы не ожидаем существенного улучшения в состоянии экономики, более того — возможен экономический спад и дальнейший рост брожения внутри страны.
 - Аналитики разведки считают наиболее вероятным, что режим будет продолжать нынешний курс, наращивая реформы, но время от времени идя на отступления.
 - По менее вероятному сценарию, который все аналитики тем не менее считают возможным, политический кризис и экономический спад выйдут из-под контроля и приведут к принятию репрессивных мер, что будет означать конец всем серьезным реформам.

С особым мнением (что бывает крайне редко) выступил заместитель директора ЦРУ по разведке, который не согласился ни с тем, ни с другим сценарием. Он высказал следующий альтернативный взгляд:

Если Горбачев удержит власть и не пойдет на репрессии, в предстоящие два года вероятно произойдет значительное продвижение к плюралистической, хотя и хаотичной демократической системе, которое будет сопровождаться высокой степенью политической нестабильности, социальными потрясениями и конфликтами на национальной почве, причем с большей остротой, чем считают авторы «Оценки». Учитывая эти обстоя-

яательства, мы считаем, что есть большая вероятность того, что Горбачев в течение рассматриваемого в «Оценке» периода будет постепенно утрачивать контроль над событиями. Сильные политические позиции, которые он смог себе обеспечить, вероятно, будут подрываться, и его политическое положение подвергнется суровому испытанию.

Суть кризиса в Советском Союзе состоит в том, что ни политическая система, которую Горбачев пытается изменить, ни складывающаяся при нем новая система скорее всего не смогут дать эффективного ответа на требования всколыхнувшихся масс и на углубляющийся экономический кризис.

Этот документ появился за два года до того, как Борис Ельцин, Леонид Кравчук и Станислав Шушкевич встретились в Беловежской Пуще и приняли решение о роспуске Советского Союза и создании на его месте Содружества Независимых Государств. Однако это был не тот результат, к которому стремились Соединенные Штаты. Более того, начиная с декабря 1989 года политика США заключалась в максимальной поддержке реформаторских усилий Горбачева.

Для разработчиков американской политики трудность состояла в том, что события, казалось, стремительно выходили из-под контроля Горбачева, причем с такой скоростью, что ни одна иностранная держава и помыслить не могла о том, чтобы как-то сдержать их или хотя бы серьезно на них повлиять. В мае 1990 года я направил аналитическую записку государственному секретарю Джеймсу Бейкеру в порядке подготовки его предстоящей встречи с Шеварднадзе. Она была озаглавлена «Горбачев столкнулся с кризисом власти».¹² По формальным признакам казалось, что Горбачев на вершине власти: был учрежден пост Президента и создан Президентский Совет, что освободило Горбачева от множества ограничений, которые могло наложить на него Политбюро. Тем не менее, пока что эти новые институты оказались недостаточно сильны перед лицом возложенных на них задач. Вот как я охарактеризовал тогдашнее положение:

- Горбачеву еще предстоит сформировать связную систему легитимной власти вокруг новых государственных институтов, которые должны прийти на смену старой сталинской системе, в которой господствовала партия и которую он в значительной мере демонтировал. В отсутствие сильного властного центра советское общество подверглось фрагментации по национальному признаку и оказалось поляризованным в политическом отношении. Сама партия, пока еще остающаяся доминирующим политическим институтом, ввергнута во фракционную борьбу, и, видимо, обречена раскол либо на XXVIII съезде, который состоится в июле, либо вскоре после него.

- Успех усилий Горбачева по модернизации советского общества при одновременном сохранении федерации представляется все более проблематичным. Демократизация и рыночные реформы усугубляют напряженность на региональной, национальной и классовой почве, что осложняет достижение национального консенсуса, необходимого для дальнейшего продвижения реформ. Как это случилось и раньше, Горбачев, видимо, намерен прибегнуть к решительным мерам для преодоления нынешнего кризиса. Он сказал, что ближайшие год — полтора решат судьбу процесса реформ. Тем не менее, может случиться так, что в его распоряжении больше не останется решительных шагов, которые позволили бы проводить реформы при одновременном сохранении федерации...
- Несмотря на эти проблемы, у Горбачева имеется достаточно хороший шанс удержаться у руля власти еще какое-то время. На него давят, но у него еще не все потеряно. Смелое, эффективное использование им полномочий президента может поддержать его падающую популярность и авторитет ...

Этот документ был послан после провозглашения независимости Литвы, которое Горбачев отказался признать, но при этом не пытался устранить литовское руководство с помощью военной силы. В последующие месяцы этого года были уничтожены последние существенные остатки «холодной войны»: Германии дали возможность воссоединиться, Советский Союз согласился с появлением некоммунистических правительств в странах Восточной Европы, входивших в Варшавский Договор, был подписан договор об ограничении обычных вооружений в Европе и вместе с другими членами Совета Безопасности ООН Советский Союз проголосовал за то, чтобы осудить вторжение Ирака в Кувейт. Президент Буш искренне хотел поддержать перестройку и по просьбе Горбачева прислал делегацию видных американских бизнесменов для обсуждения вопросов экономического сотрудничества. Все они были заинтересованы в том, чтобы найти области потенциального инвестирования, и их компании были способны вложить миллиарды долларов в перспективные иностранные предприятия.

Горбачев принял американскую делегацию весьма любезно, но после обнадеживающей беседы поручил дальнейший разговор председателю Госплана Юрию Маслюкову, который пообещал, что через несколько дней передаст им список потенциальных объектов для инвестиций. Американское посольство несколько раз спрашивалось, можно ли получить этот список, чтобы потом передать его американским инвесторам, но так ничего и не получило. Этот случай, как и многие другие, убедили посольство в

том, что советская бюрократия просто бойкотирует политику, объявленную Горбачевым. Под давлением Горбачев тоже стал колебаться: сначала он и Борис Ельцин заявили о поддержке плана «500 дней», но потом, когда бюрократия стала противодействовать этому плану, Горбачев перестал его поддерживать и распорядился, чтобы в него были включены противоречащие ему элементы правительственного плана стабилизации экономики. Тем временем экономика шла под откос.

К ноябрю 1990 года прогнозы, содержащиеся в «Согласованной разведывательной оценке», стали более тревожными:

В СССР полным ходом идут исторические преобразования, которые грозят расколом страны. Старый коммунистический порядок переживает агонию. Но его закоренелые сторонники продолжают оставаться силой, препятствующей переменам, а новым политическим партиям и институтам еще предстоит доказать свою эффективность. Подрыв влияния центра в сочетании с утверждением суверенитета в республиках создает вакуум власти. Горбачев формально сосредоточил в своих руках колоссальную власть, но его способность эффективно ею распорядиться поставлена под сомнение. Тем временем экономическое положение непрерывно ухудшается.

Американское разведывательное сообщество пришло к выводу, что незначительные шансы на преодоление этого кризиса будут зависеть от улучшения работы экономики и от сотрудничества между Горбачевым и Ельциным, однако и то, и другое представлялось маловероятным.¹³

У президента Буша и государственного секретаря Бейкера было больше, чем у их разведывательных служб, надежд на то, что Горбачев справится с ситуацией. Американское посольство в Москве, хотя и признавало наличие серьезных проблем, стоявших перед Горбачевым, все же надеялось, что он найдет пути дальнейшего продвижения перестройки. Зимой 1990 и 1991 года поползли упорные слухи о возможной отставке Горбачева. Мое мнение, которое я несколько раз высказывал в своих донесениях в Вашингтон, состояло в том, что Горбачева невозможно отстранить от власти неконституционным путем, пока он пользуется полной поддержкой председателя КГБ, начальника кремлевской охраны и министра обороны. Тем не менее, проблемы нарастали, и «поворот Горбачева вправо» в ноябре 1990 года, когда он заменил нескольких ключевых официальных лиц, драматическая отставка Шеварднадзе, последовавшая в декабре, и назначение ненадежных людей на посты вице-президента и премьер-министра заронили в умы многих сомнения в умении Горбачева разбираться в людях.

Казалось, что кризисы следуют один за другим. Для Вашингтона самым важным был штурм телебашни в Вильнюсе в январе 1991 года. Горбачев отрицал, что это было сделано по его приказу (и я верил ему), но если это

делалось не по его указанию, то почему он сразу же не отреагировал и не отдал под суд тех, кто учинил это вопиющее беззаконие? То, что он не сумел сразу внести ясность в ситуацию, навело многих наблюдателей в Москве на мысль, что он или что-то скрывает, или утратил контроль над органами безопасности. Выступая в Минске в феврале, Горбачев обрушился с нападениями на «демократические» силы, как будто это его враги, способные совершить незаконный захват власти. Затем он приложил много политической энергии, чтобы провести не обязывающий референдум о судьбе союза, который в результате принес больше вреда, чем пользы, так как вопросы для референдума в разных республиках были сформулированы по-разному, а в некоторых из них референдум вообще не проводился. К тому же в РСФСР на референдум одновременно был вынесен вопрос об учреждении поста президента России, что усилило позиции Ельцина, бросавшего вызов власти Горбачева. Затем, в конце марта, Горбачев санкционировал ввод войск в Москву, чтобы воспрепятствовать демонстрации, которая все равно состоялась, причем практически без проявлений насилия.

У нас в посольстве и у большинства аналитиков из разведки сложилось впечатление, что для успеха перестройки Горбачев нуждается в «демократах». Может быть, с ними трудно иметь дело, а в своих радикальных предложениях они заходят слишком далеко. И все же, если Горбачев утратит их поддержку, поддавшись давлению «силовых министерств», то как тогда он сможет успешно осуществлять предложенные им реформы? Высказанная Горбачевым в Минске мысль, что «демократы» планируют незаконный захват власти, казалась нам нелепой. Всем было известно, что органы безопасности, большинство офицерского корпуса и основная масса партийных аппаратчиков — против демократов. У демократов не было реальной возможности осуществить насильственный захват власти, даже если допустить, что они ставили себе такую цель. Но насколько мы в посольстве могли судить, такой цели у них не было. Посольство могло лишь предполагать, что Горбачева ввели в заблуждение его собственные спецслужбы, у которых, видимо, были свои собственные цели. Ввод войск в Москву в марте для контроля над демонстрацией казался зловещей репетицией захвата власти органами безопасности.

В вихре этих событий аналитический отдел ЦРУ, занимавшийся Советским Союзом, 25 апреля 1991 года выпустил доклад под названием «Кипящий советский котел», в котором содержались следующие суммарные выводы¹⁴:

1. Экономический кризис, стремление к независимости и антикоммунистические силы рушат советскую империю и систему правления;

2. В этом хаосе Горбачев из страстного реформатора превратился в консолидатора. ... Горбачев выбрал этот курс, как руководствуясь собственными политическими убеждениями, так и потому, что к этому его вынуждали другие традиционалисты, которые хотели бы, чтобы он использовал гораздо более жесткие репрессивные меры. ...
3. В своем стремлении освободить СССР от несостоятельной, окостеневшей старой системы Горбачев оказался в ситуации, когда имеющийся у него выбор вариантов поистине незавиден. Его маневрирование пока что позволило ему сохранить власть в своих руках и необратимо изменить систему, но одновременно затянуло и осложнили агонию перехода к новой системе и создало патовую политическую ситуацию в общем уравнении власти. ...
4. В такой ситуации увеличивающегося хаоса все более возрастает вероятность взрывного развития событий. ...
5. ...Заранее спланированная, организованная попытка восстановления полномасштабной диктатуры привела бы к полной катастрофе, ибо стремление отобрать недавно обретенные свободы привело бы к дестабилизирующим долговременным последствиям. К сожалению, подготовка к диктаторскому правлению началась и идет по двум направлениям:
 - а. Возможно, Горбачев не хочет такого поворота событий, но он увеличил его вероятность произведенными им кадровыми назначениями, отчуждением от реформаторов и как результат — опорой на традиционалистов, чьи позиции он таким образом усиливает, а также попытками управлять страной с помощью указов, которые неэффективны, но создают соблазн диктатуры, которая бы обеспечила их эффективность.
 - б. Еще более зловещим предзнаменованием является то, что руководители вооруженных сил, МВД и КГБ начали приготовления к широкому использованию силы в политическом процессе; ...
 - с. В последнее время проводится кампания по выводу отставку или, по крайней мере, отстранению с ключевых постов демократически настроенных военных. ...
6. Если реакция пойдет на решительные действия, будь то вместе с Горбачевым или без него, ее первой мишенью на этот раз станет Борис Ельцин и российские демократы. ...
7. Любая попытка восстановления полномасштабной диктатуры начнется в Москве с ареста или убийства Ельцина и других лидеров

демократов. ... Будет создан комитет национального спасения — возможно, под менее дискредитировавшим себя названием, — который провозгласит лозунг спасения отечества с помощью суровых, но временных мер ...

- Долгосрочные перспективы такой затеи плохи, и даже временный успех ей далеко не гарантирован.
- Численность войск, на которых можно было бы полагаться при осуществлении репрессивного сценария, ограничена.

Далее в докладе следуют рассуждения о том, какие последствия может вызвать попытка путча для нерусских республик (это приведет к еще более активным требованиям независимости), и наконец высказывается суждение, что «с Горбачевым или без него, с путчем или без путча, вероятнее всего, что в конце десятилетия, а то и раньше, произойдет преобразование Советского Союза, в результате которого возникнут несколько независимых государств и конфедерация оставшихся республик, в которую войдет Россия».

В Вашингтоне на политическом уровне продолжали надеяться, что Горбачев сумеет избежать распада союза. То, что в апреле он возобновил «ново-огаревский процесс» переговоров с руководителями союзных республик, внушало надежду, в то же время разработка выполнимого плана экономической реформы никак не давалась ему. Он не сумел заручиться значительной экономической поддержкой Запада на апрельской встрече «большой семерки», которая проходила в Лондоне, и дело было не в равнодушии или враждебности руководителей Запада. Все они рады были бы помочь, если бы это было возможно. Но внушающего доверия плана разворота экономики не было, и иностранные лидеры пришли к выводу, что финансовая помощь просто ушла бы в песок. Они, может быть, и хотели бы помочь запустить механизм, но механизма не было.

В июне, когда мы получили сведения, что высшие руководители, в том числе председатель КГБ Крючков, премьер-министр Павлов и министр обороны Язов планируют осуществить захват власти, мы попытались предупредить Горбачева. Однако он отнесся к предупреждению без должной серьезности, может быть потому, что мы не назвали заговорщиков поименно, а ограничились предостережением общего характера. Тем не менее, попытка предупредить его ясно показала, что правительству США не хотелось бы, чтобы в Москве произошла смена руководства. Более того, когда в конце июля президент Буш приехал в СССР с государственным визитом, он попытался убедить нерусские союзные республики подписать Союзный договор, согласованный Горбачевым. 1 августа Буш посетил Киев и выступил в украинском парламенте с речью, которая была по существу обраще-

нием ко всем нерусским союзным республикам за исключением Прибалтики. Указав на то, что свобода и независимость не являются синонимами, он рекомендовал республикам избрать свободу, пойдя на подписание горбачевского союзного договора и создания на его основе федерации.

В тот момент казалось, что несколько республик, хотя и не все, готовы подписать договор. Однако планы подписания были отложены в сторону, когда в ночь с 18 на 19 августа была совершена попытка государственного переворота. И хотя путч провалился, он настолько подорвал власть Горбачева, что он не смог сохранить даже добровольную федерацию. Американское правительство было недоволено таким поворотом событий, но теперь уже не могло ничего сделать, чтобы помешать распаду СССР.

На мой взгляд, было бы неверно считать распад Советского Союза провалом перестройки. Будучи Генеральным секретарем ЦК КПСС и Президентом, Горбачев часто заявлял, что перестройка есть объективный процесс, не зависящий от воли одного человека. Этот процесс продолжился во многих бывших советских республиках после того, как они обрели независимость. Он продолжается и по сей день, терпя поражение на одних участках и продвигаясь вперед на других. Перестройка оказалась более длительным и более трудным процессом, чем вначале думали ее авторы. Но ее основные идеи сохранили свою значимость, причем не только в России и в других государствах — преемниках Советского Союза, но и в более широком плане. Политические лидеры, которые сумеют провести эти идеи в жизнь, поведут вперед общество с большим успехом, чем те, кто откажется от этих идей или проигнорирует их.

¹ «The New CPSU Program: Charting the Soviet Future» [SOV-86-10022], выпущено ЦРУ 1 апреля 1986 года.

² «The Debate over 'Openness' in Soviet Propaganda and Culture», выпущено ЦРУ 1 августа 1986 года.

³ «Gorbachev's Policy Toward the United States, 1986-88», выпущено 1 сентября 1986 г.

⁴ Я писал о встрече в Рейкьявике и ее последствиях. См.: Matlock J.F. Reagan and Gorbachev: How the Cold War Ended. New York: Random House, 2004, pp. 215-250.

⁵ «The January Plenum: Gorbachev Draws the Battlelines», выпущено 11 марта 1987 года.

⁶ «The June Plenum and Supreme Soviet Session: Building Support for Economic Change», выпущено в сентябре 1987 года.

⁷ «Whither Gorbachev: Soviet Policy and Politics in the 1990s» [NIE 11-18-87], выпущено в ноябре 1987 года.

⁸ NIE 11-23-88 of December 1988, published in Benjamin B. Fischer (ed.). At Cold War's End: U.S. Intelligence on the Soviet Union and Eastern Europe, 1989-1991. Washington: Government Reprints Press, 2001, pp. 1-26.

⁹ «89 Moscow 02962»; «89 Moscow 03850»; «89 Moscow 04648». Это были секретные документы, позднее секретность с них была снята, и с ними можно познакомиться в Историческом отделе Государственного департамента.

¹⁰ NIE 11-4-89, «Soviet Policy Toward the West: The Gorbachev Challenge», published in: Benjamin B. Fischer, editor. At Cold War's End, pp. 227-254.

¹¹ NIE 11-18-89, published in: Benjamin B. Fischer, editor. At Cold War's End, pp. 49-81.

¹² «90 Moscow 15714», с этого документа была снята секретность, и его можно получить в электронном виде в электронном читальном зале Государственного департамента.

¹³ NIE 11-18-90, «The Deepening Crisis in the USSR: Prospects for the Next Year», published in: Benjamin B. Fischer, editor. At Cold War's End, pp. 83-110.

¹⁴ Published in: Benjamin B. Fischer, editor. At Cold War's End, pp. 111-119.